

Наука страсти нежной

Автор:

Татьяна Гармаш-Роффе

Наука страсти нежной

Татьяна Владимировна Гармаш-Роффе

Частный детектив Алексей Кисанов #26

Кому понадобилась жизнь Таисии? Почему по ее следу направили убийцу? Зачем он завез ее в мокрый ночной лес, приказал рыть могилу?! Таисии чудом удалось сбежать, но вопросы остались. Она вынуждена скрываться в маленьком подмосковном городке, ее телефон выключен, электронная почта заблокирована: заказчики убийства должны быть уверены, что Таисии нет в живых. И пока она не узнает, кто и почему намерен лишить ее жизни, она ничего не сможет предпринять, чтобы их остановить. Но тогда ей придется прятаться до конца жизни, навеки остаться в чужом городе, без друзей и родных, в абсолютном одиночестве! А тут еще внезапно на нее свалилась нелепая, дурацкая любовь, у которой нет будущего... К счастью, Таисия находит сайт частного сыщика Алексея Кисанова и обращается за помощью. Кис берется за это запутанное дело и вскоре обнаруживает связь между покушением на Таисию и жестоким убийством гуру по тантрическому сексу...

Татьяна Гармаш-Роффе

Наука страсти нежной

Часть 1

Воскресенье

Я вышла из здания вокзала. Москва мокла под холодным осенним ливнем, и я, спрятавшись под навес у входа, быстро вызвала через мобильное приложение такси. Не люблю дождь. Не потому, что мокрый, а потому, что серый.

Беспросветный.

Как моя жизнь.

Что удивительно, между прочим. Ничто, как говорится, не предвещало беды: я отлично училась в школе, потом в институте... Подавала надежды.

Я и сейчас их подаю. Только больше это никого не интересует. Мне двадцать девять, я не замужем, детьми не обзавелась и работу свою терпеть не могу. Платят, правда, хорошо – папуля постарался, пристроил на теплое местечко в министерство, – но лучшие годы своей жизни я трачу на какую-то фигню. И бездарность моего положения ничуть не компенсируется его престижностью. Высокими заработками и формальным уважением смысл существованию не придашь.

Сегодня я наконец сообщила папе, что хочу заняться чем-то творческим, живым, увлекательным, – такой скандал разразился!

Точнее, скандал громыхал в другой части дома уже минут сорок: слов разобрать я не могла (и не хотела), но раскаты до меня доносились. Родители ругались довольно часто, но на этот раз как-то особенно яростно – папа орал, мама визжала.

Меня это доконало. Я пошла к ним, чтобы сообщить, что уезжаю в московскую квартиру. Что мне осточертели их ссоры, их меркантильные отношения, их взгляды на жизнь... И вообще, всё. Я хочу жить так, как нравится мне, занимаясь делом творческим и увле...

– Каким еще творческим? – взревел папа. – Тебе сколько лет, дылда?! Тебе потомство уже пора учить ходить, а ты на свои ноги никак не встанешь!

Мама стояла растрепанная и красная, будто они дрались, и смотрела на меня гневно, как на своего врага.

Я уши заткнула и из родительского дома вылетела, наскоро побросав в дорожную сумку какую-то одежду. Решила вернуться в Москву, в нашу старую квартиру, которую родители отдали мне, когда особняк построили.

В нашем мире у человека нет права искать себя. В детстве его поощряют ходить в разные кружки и секции – спорт, музыка, самодеятельность, – да что угодно, хоть кружок юного ботаника. Но как только ты стал взрослым – все, стоп. Теперь это пустая трата времени. Да и вообще, что означает искать себя? Всем известно, как жить: человек должен вставать с утра, давиться скорым завтраком, идти на постылую работу. Смотреть на часы в ожидании, когда можно свалить домой. А дома... Выбор невелик: слушать треп подружек или почитать книжку. Телевизор я практически не смотрю – сплошной отстой, кроме новостей и редких фильмов. Еще можно нарыть что-то стоящее из кино или сериалов в интернете. Ну, если у тебя есть парень, то в ресторан можно сходить, устроить ужин при свечах. В теории можно организовать культурную жизнь: музеи, выставки, театры, – но это в теории. В реальности же вечер работающего человека слишком короток. Он тесен, как детская одежда взрослому: в него не влезают красивые и культурные мероприятия. Иначе с утра от недосыпа человека будет качать, и он проклянет прекрасное-возвышенное самыми низменными словами.

«Ты сама не знаешь, чего хочешь!» – раздраженно восклицала мама мне вслед.

Конечно, не знаю. Иначе бы не искала себя, ясно же! Зато знаю, чего я НЕ хочу: отдавать половину моей жизни тупой и бессмысленной работе.

В город я была вынуждена ехать на электричке – машина моя в ремонте. На работу мы ежедневно ездили с папой, вернее, с его шофером, – нам ведь в одно министерство, – отчего я не слишком торопила парнишку из автосервиса. Но придется ему позвонить, завтра же, – сегодня уже поздно, вечер воскресенья.

Такси наконец довезло меня до Войковской – именно там, в высоком сталинском доме, находилась наша старая квартира – и притормозило у бордюра широкого тротуара. Ехать в объезд, чтобы попасть во двор, таксист отказался. Там все

перекопано, сказал. Пришлось мне мокнуть под дождем, добираясь до подъезда через арку, даже капюшон не спас.

Хотелось поскорее ощутить сухое тепло моей квартиры. Там меня никто не ждал: мои Васьки уже с год как ушли. Васька-человек забрал с собой Ваську-кота. Сказал, что такому никчемному созданию, как я, даже животное доверить нельзя. Вот так-то. Никчемной я оказалась и на кухне, и в постели. Заниматься со мной сексом, сказал Васька-человек, так же невкусно, как есть мои котлеты.

Похоже, что это безнадежно. То есть надежд я больше вовсе никаких не подаю. Никому. Только еще самой себе немножко...

Проблема, мне кажется, в том, что у меня слишком много способностей. Я неплохо рисую, у меня даже хобби есть: комиксы из жизни одинокой девушки, вроде меня... Они приличную аудиторию собирают на Фейсбуке и в Инстаграме, к слову. Еще я довольно хорошо танцую, пою, декламирую стихи, играю на гитаре и пианино, да и на сцене, хоть и самодеятельной, удостоилась бурных похвал, когда увлекалась театром... И дзюдо я занималась, и художественной гимнастикой, и верховой ездой, и стрельбой из лука... Казалось бы: такой я разносторонний человек, откуда взяться скуке?

Беда же в том, что все это меня интересовало одновременно, но ни одно направление настолько, чтобы посвятить себя ему полностью и отсеять остальные. Я предавалась новому увлечению с энтузиазмом и бросала его без сожалений. Возможно, оттого, что ни одна из моих способностей не тянет на талант? Талант, если он наличествует, сам тащит человека за собой, сметая любые препятствия на своем пути – будь то родительские увещевания или соображения финансовой выгоды. Недаром существует слово «призвание»! Оно зовет, требует, не внемлет никаким отговоркам. Это как призыв в армию: не уклонишься.

А у меня не оказалось сколько-нибудь выраженного таланта, который мог бы превратиться в призвание. Комиксы – это ведь несерьезно, не профессия... И я, не сумев сделать выбор, пошла на поводу у родителей и согласилась на хорошо оплачиваемую, но невыносимо тягомотную работу...

Тоска. Беспросветность. Как этот чертов дождь.

Весь вечер, с трудом справляясь с плохим настроением, я пыталась продумать план своей новой жизни: коль скоро я выступила с декларацией своей независимости перед родителями, пути назад нет. Из министерства я уйду, это решено. Попробую зарабатывать на жизнь комиксами – то есть превратить хобби в профессию. Людям они нравятся, мои смешные лохматые «растрепки», – осталось только придумать, как получать деньги за «лайки» моих поклонников. В принципе схему я знала: нужно, чтобы моей страницей заинтересовались рекламодатели. Для этого придется намного больше рисовать: новые сюжеты, пусть совсем коротенькие, должны появляться практически каждый день, а это большая, кропотливая работа! – но идея меня окрыляла.

Я прочитала в интернете несколько статей о раскрутке сайтов, их продвижении в социальных сетях и прочие нужные, хоть и скучные вещи. Выписала телефоны тех специалистов, которые мне показались наиболее знающими и серьезными, забросила на флешку рисунки и ссылки на свои страницы в соцсетях для завтрашних бесед. Приняла душ, надела пижаму, просмотрела пару коротких серий отечественной комедии и улеглась спать: завтра я должна быть в отличной форме.

Потому что завтра у меня начнется новая жизнь. Я знала, будет непросто, – но это будет моя жизнь! Та, о которой я мечтала. *Per aspera ad astra!* Через тернии к звездам!

ПОНЕДЕЛЬНИК

В понедельник с утра я первым делом позвонила по выписанным телефонам и договорилась о четырех встречах: две сегодня и две завтра. Из четырех специалистов по интернет-раскрутке я собиралась выбрать одного – того, кто покажется наиболее компетентным, – и начать работать с ним незамедлительно.

Затем я позвонила в автосервис, – моя «Клио» будет готова во вторник во второй половине дня, заверили меня.

После чего я поехала на работу и написала заявление об увольнении по собственному желанию, отдав его папиной секретарше. Видеть отца мне не хотелось, а уж тем более вести разговоры о том, что подобные заявления делаются за две недели, и я должна отработать, и та-та-та...

Фигушки. Ни дня больше! Папузик как-нибудь сам выкрутится, все-таки заместитель министра.

Целый день я перемещалась по городу то на такси, то на метро, в зависимости от маршрута. Устала от транспорта, однако результаты первых двух встреч превзошли мои ожидания. И теперь с нетерпением ждала завтрашнего дня, чтобы услышать-увидеть двух оставшихся специалистов.

Ближе к вечеру я поехала к своему психологу на очередной сеанс и вернулась домой на метро – дождя не было, к счастью. По дороге зашла в магазин, купила немного продуктов, рассчитывая, что на следующий день уже смогу закупиться по полной программе и привезти тяжелые сумки на своей «Клио».

Наверное, я бы никогда не запомнила все эти мелочи – если бы вскоре они не оказались чрезвычайно важными. Важность им придали последующие события, о которых я – понятное дело! – в тот момент даже не подозревала... А пока у меня было прекрасное настроение. Я столько всего узнала нового, увлекательного – передо мной открылся непознанный мир, яркий и радостный. Мне не терпелось начать работу, и весь вечер я рисовала новые комиксы из жизни милой смешной растрепы по имени Варя. Вдохновение подхватило меня на свои радужные крылья, унесло на волшебные просторы, – и я работала, забыв о времени. Воистину, «счастливые часов не наблюдают».

Заснула я лишь под утро. «Как хорошо, что оставшиеся встречи назначены на вторую половину дня», – подумала я, уплывая на волнах безмятежного сна.

Тогда я еще не знала, что безмятежности этой не суждено долго длиться.

ВТОРНИК

Вторник встретил мое позднее пробуждение ветром и ледяным дождем. Выходить из дому совсем не хотелось. Но отказаться от важных встреч я никак не могла, поэтому неспешно оделась, выпила кофе, скопировала на флешку новые, ночные рисунки и вызвала такси.

Когда я, вдохновленная и убежденная в правильности своего выбора, вышла на улицу после последней деловой встречи, было уже совсем темно. Что ж, ноябрь, ничего удивительного. Такси меня поджидало, однако я успела промочить ноги за те несколько шагов, которые пришлось сделать по тротуару до дверцы. Заказывая такси по телефону, я назвала адрес автосервиса – «Клио» моя уже готова! – но сейчас, глядя в окошко на мощные струи ледяной воды, поливающей Москву, и на толпу машин, склеившихся в пробке, я решила перенести визит в автосервис на завтра: представив себя за рулем в этой металлической каше, я испытала чувство, близкое к ужасу. Лучше заеду за «Клио» с утра – а сейчас домой.

Домой!

От информации, полученной мною за четыре встречи, – подробной, с наглядными схемами, – я слегка обалдела. Все четверо специалистов были хороши, и я не могла решить, на ком остановить выбор. Сказала, что подумаю и позвоню. Всю обратную дорогу я перебирала в памяти подробности разговоров, пояснений, демонстраций на экранах компьютеров. Вспоминала глаза и выражения лиц, улыбки и усмешки...

Четверку составляли трое парней и одна девушка. Она, как у девушек водится (за редким исключением), быстро окинула меня оценивающим взглядом и, похоже, пришла к выводу, что я ничем ее женской самооценке не угрожаю. После чего расплылась в любезной улыбке. Пожалуй, ее не возьму: каждый день будет изучать мою одежду, прическу – все детали моей внешности, чего уж там! – и мериться со мной пись... Ладно, писек, которыми меряются, у девочек нет, но преувеличенное самолюбие (следствие комплексов неполноценности, как известно) пола не имеет. А я не люблю тягаться с другими, мне плевать, что там у кого. И повышенный, сопернический интерес к моей персоне меня раздражает. К чему мне чужие заморочки?

Один из парней был совсем мальчишка – толковый, влюбленный в компьютерный мир, возбужденный ролью учителя. Наверное, я у него одна из первых (если не первая) клиентов и он будет очень стараться, что большой плюс. Второй, мужчина за сорок, говорил неторопливо, понятно, подробно. Его основательность мне понравилась: он будет хорошим учителем. Третий...

Такси остановилось, причалив к широкому мокрому тротуару, как вчера. Но сегодня мне было куда веселее. Новая жизнь уже сверкала огнями и переливалась всеми красками перед моим внутренним взором: я верила, что сумею, что добьюсь успеха. Не великой славы, нет, – ее я не искала. Все, к чему я стремилась, – это заниматься любимым делом. И получать за него приличный заработок. Точка.

Ежась под дождем, я шагала домой. Прошла подворотню и повернула налево, к своему подъезду. И тут произошло что-то странное: на мои губы твердо легла рука в холодной кожаной перчатке. Затем я почувствовала сквозь куртку, как к моей спине, чуть ниже лопатки, прижалось что-то круглое и твердое. Очень похожее на дуло пистолета.

Я мгновенно взмокла от страха – стало жарко, душно, не хватало воздуха, сердце заколотилось. Я замычала и попыталась сделать подсечку, как меня учили когда-то на занятиях дзюдо.

– Стой смирно, – тихо проговорил мужской голос. – Не то убью.

И дуло притиснулось к моей спине еще крепче.

Я повиновалась, опустив руки по швам, только старалась дышать ровно под перчаткой, – правильному дыханию меня тоже учили, – чтобы унять внутреннюю панику, утихомирить сердцебиение. Мужчина развернул меня в обратную сторону, и мы прошли подворотню в направлении улицы. Здесь он остановился.

– Сейчас мы сядем в мою машину. Я уберу руку от твоего рта, но ты не будешь кричать и звать на помощь. Потому что у меня в руке пистолет. – Для пущей убедительности он больно ткнул дулом мне под лопатку. – Логика простая: ты кричишь – я стреляю. Поняла?

Я кивнула. Чего ж тут не понять. Он хочет спокойно, без шума завезти меня в тихое местечко, изнасиловать и убить. А пока все обустраивает так, чтобы я не привлекла к нему внимания. А то вдруг и впрямь какая-нибудь добрая душа отзовется и бросится мне на помощь...

Я подумала, что сумею, пока буду идти к машине, нажать кнопку быстрого набора на мобильном. Под номером «один» у меня записана лучшая подруга, и, если повезет, она ответит на звонок, услышит странный диалог с женщиной за моей спиной и вызовет полицию.

Он будто прочитал мои мысли, этот мужик. Молча сдернул с моего плеча сумку, не оставив мне никакого шанса позвать на помощь.

– Машина стоит напротив арки. Видишь, черная «Тойота»? Ты спокойно пересекаешь тротуар, я тебе галантно открываю дверцу с пассажирской стороны, ты садишься. Затем я обогну машину, чтобы сесть за руль. И ты в это время не пытаешься бежать. Не то я...

Я усердно закивала: слушать еще раз, что он в меня выстрелит, мне почему-то не хотелось.

– Хорошо, – одобрил он.

Черная перчатка слетела с моих губ, как ворона. Я вдохнула побольше воздуха, медленно выдохнула, успокаивая нервы.

– Не хочу тебя пугать...

– Ага, – кивнула я, – а до сих пор не испугал, конечно.

– Заткнись. Тебе следует знать: если сбежишь от меня, тебя убьют другие. За нами сейчас следят, я уверен.

– А если не сбегу, то меня убьете вы? – милым голоском поинтересовалась я.

– Я бы не хотел. Так что не препирайся. Делай, как я сказал. Тогда у тебя будет шанс остаться в живых. На самом деле я – твой лучший вариант из всех возможных.

– Вот радость-то! – съязвила я по привычке, хотя мне было совсем не до шуток.

Мой ум истерично и бесплодно бился, как бабочка об абажур ночника, в поисках хоть какого-нибудь объяснения происходящему. О чем говорит этот тип? Да и есть ли смысл в его словах?

– Вы хотите получить за меня выкуп? – предположила я.

– А за тебя кто-нибудь захочет заплатить? – В его голосе послышалась заинтересованность.

– Естественно. Родители.

– У них водятся денежки?

Нет, не в выкупе тут дело... Он даже не знает, кто мои родители! Неужели он всерьез говорит об убийстве?! Но кому понадобилась моя никчемная жизнь?!

– Если вы не собираетесь просить выкуп... Зачем тогда вы меня похищаете? Вы в меня влюбились и хотите тайно обвенчаться? – сострила я. От страха, видимо.

– Ну да, от твоей красоты в зобу дыханье сперло. – Этот тип даже не усмехнулся в ответ. – Хорош трепаться. На счет «три» ты выкатываешься из подворотни и направляешься к машине. Я, как сказал, тороплюсь-спотыкаюсь в приливе галантности, чтобы открыть тебе дверцу. И ты без сопротивления залезаешь на пассажирское сиденье. Просекла?

Разумеется, просекла. Будто у меня есть выбор, придурок!

Забравшись в машину, я попыталась оглядеться вокруг: он сказал, что за нами следят. Но кто, с какой целью?

Как ни крутила я головой, никого не заметила. Впрочем, разглядеть хоть что-нибудь через забрызганное водой стекло было затруднительно. С другой стороны, люди, которые за кем-то следят, обычно прячутся, а не стоят на виду...

Мужчина, плюхнувшийся на водительское место, – наконец-то я увидела его физиономию, хоть и в профиль, – оказался похож на бомжа. Или на уголовника. Темная щетина обильно покрывала нижнюю часть его лица, голова же,

напротив, была бритой; на шее какая-то татуировка – ее почти скрывал ворот черной заношенной куртки-стеганки «а ля ватник», такие были в моде лет десять назад. И, судя по запаху, не мылся он примерно столько же.

– Вас только сегодня утром выпустили из тюрьмы?

Он посмотрел на меня с удивлением.

– Немытый, небритый, куртка давно вышла из моды... – пояснила я.

– Угадала, – произнес он со странной интонацией.

Я не поняла: то ли стебется, то ли обалдел оттого, что я попала в точку.

Он включил мотор, но не тронулся, а перегнулся через мои колени.

Прикосновение к моим ляжкам мне не понравилось, но я не успела возразить. Он вдруг ловким движением вытащил из бардачка наручники и мгновенно нацепил их мне на запястья. Только я вознамерилась возмутиться, как на мой рот налип здоровенный кусок белого пластыря, лишив меня, в прямом и переносном смысле, дара речи.

– Пусть видят, – произнес он. – Чтоб не сомневались.

Я хотела спросить: «Кто? О чем вообще речь?» Да и что можно рассмотреть через залитое дождем стекло?

Но с пластырем на губах задавать вопросы было затруднительно.

Бомж пристегнул меня ремнем безопасности и тронулся с места.

Ехал он аккуратно, скорость не превышал и все время взглядывал в зеркало заднего обзора. Дождь кончился и видимость улучшилась, но, похоже, ничего интересного бомж по-прежнему не наблюдал.

Вскоре город остался позади, шоссе прострелило ярко освещенные торговые зоны, затем погрузилось в полумрак редких огней. К асфальту с обеих сторон подступили леса, в темноте как-то особенно недобрые. Я подмосковных дорог не знаю, поэтому наше местонахождение являлось для меня полной загадкой. И спросить я ничего не могла, понятно. Да и не интересовало меня, где мы находимся. Другой вопрос, куда более важный, – в прямом смысле жизненно важный! – мучил меня: что этот тип собирается со мной сделать?!

Он говорил, будто убивать меня не хочет, – а чего же он хочет? изнасиловать? И бросить в лесу? Иначе зачем мы выехали из города?

С другой стороны, если рассудить, для изнасилования далеко ехать не надо. Завез бы к себе в квартиру, и... Может, у него нет квартиры? Он и впрямь похож на бомжа. Хотя «Тойота» его, пусть и не первой молодости, стоит недешево... Так и на ней тоже, между прочим, он мог заехать в первый же темный закоулок и свершить свое гнусное дело. Однако он меня куда-то везет...

Он все же намерен меня убить?

«Убить, и закопать, и надпись написать» – как там в детской песенке? Ха-ха, умереть от смеха.

Или просто умереть...

С момента выезда из Москвы прошло, наверное, часа полтора, когда мы свернули на какую-то полуразбитую дорогу. Освещения здесь не было вообще никакого, но сквозь тучи мелькала остекленевшая, замерзшая луна, поражая темноту белесыми пятнами, как болезнь витилиго – кожу. Машина затряслась, подпрыгивая на колдобинах, и вскоре встала на обочине.

Прошло несколько минут, прежде чем бомж пошевелился.

– За нами не следили, – вдруг произнес он. – И это хорошо.

С этими словами он развернул тачку носом прямо к лесу и попер напролом. Переваливаясь с кочки на кочку, мы вскоре остановились на небольшой поляне.

Бомж выключил фары и мотор. Нас обступила тьма, едва разреженная мерзлым лунным светом.

– Я сниму с тебя пластырь, и ты сможешь говорить. Но прежде выслушай меня. Спокойно выслушай, без истерик и без глупостей. Обещаешь?

Ну конечно же я обещаю! На моих губах пластырь, на моих запястьях наручники, какие могут быть возражения?! Я усиленно затрясла головой, хотя не уверена, что он сумел это разглядеть в почти непроглядной тьме.

– Хорошо, – кивнул он. Должно быть, все-таки разглядел. – Дело, в общем, вот какое: тебя хотят убить. Не знаю, кто и почему, так что не спрашивай. Меня наняли совершенно незнакомые люди. Видимо, моя внешность располагает к... К определенным мыслям, – усмехнулся он.

Я кивнула: согласилась. А бомж вдруг хмыкнул себе под нос.

– А ты ничего, – произнес он. – Не теряешь чувство юмора.

– Еще как теряю, – промычала я.

Но он, конечно, ничего не понял из моего мычания.

– Вернемся к делу. Итак, тебя хотят убить. И для этого наняли меня. Я согласился. Мне позарез нужны деньги, а за твое убийство хорошо платят. Сечешь? Если ты догадываешься, кто эти люди и чем ты им насолила, со мной можешь не делиться, мне пофиг. Но я не хочу тебя убивать. Поэтому не ори – тут все равно никто не услышит – и не пытайся сбежать. Нет смысла. Просто обсудим все, как разумные люди. Ферштейн?

Я снова усиленно закивала, хотя ничегошеньки не «ферштейн» – то есть не поняла.

– Ладно, тогда я срываю пластырь. Будет немножко больно.

Бомж включил маленькую лампочку наверху, в потолке салона, повернул мое лицо к себе, подцепил ногтем уголок пластыря и дернул.

Я непроизвольно ахнула. Было все-таки больно. Но не смертельно, конечно.

- Почему? - хрипло спросила я.

- Почему - что?

- Почему вы не хотите меня убивать?

Бомж посмотрел на меня с удивлением. Я на него тоже - с удивлением: у него оказались довольно выразительные... хм... карие, цвета крепкого чая, глаза в обрамлении густых черных ресниц. Неожиданное явление на таком... хм... запущенном лице.

- Ты что, идиотка? По-твоему, это нормально, хотеть кого-то убить? Странный вопрос задаешь, Таисия.

- Вы знаете мое имя...

- Естественно, я же нанялся в киллеры, - хмуро бросил бомж.

- А вас как зовут? - вежливо спросила я.

- Роберт.

- Ха. Ха-ха. Вот прямо так и Роберт?

- Не веришь, дело твое. Считай, что у меня погоняло такое.

- Погоняло? - не поняла я.

- Кликуха.

- Ладно, Роберт так Роберт... - не стала я спорить. - Так почему вы, взяв заказ, решили меня не убивать?

– Не хочу руки пачкать.

– Но деньги взяли.

– Взял. И спас тебя, между прочим.

– Пока еще не спасли, между прочим. Пока что вы меня завезли в глухой мокрый лес. И я не в курсе, что вы собираетесь делать дальше.

– Все зависит от тебя. Чтобы оставить тебя в живых, я должен быть уверен, что ты исчезнешь. Испаришься без следа. Иначе не только тебе несдобровать, но и мне. Эти люди не должны ни на минуту усомниться в исполнении заказа.

Ничего себе! До меня слабо доходило: он предлагает мне жизнь в обмен на полное исчезновение? Но как? Куда? Где я должна прятаться?

– О господи, – уткнулась я лицом в руки. – Почему? За что?!

Роберт ничего не ответил, отвернул лицо к окну.

Прошло несколько минут. Мы молчали.

– У меня нет выбора, насколько я понимаю... – наконец произнесла я.

– Верно понимаешь.

– Я не хочу умирать. Я исчезну.

– Не обещай слишком поспешно. Подумай: тебе придется расстаться с родителями, друзьями, работой, парнем, если он у тебя есть. Нужно будет как-то обустроиться на новом месте, не оставив никаких следов, никаких ниточек: мобильный со всем списком твоих контактов должен исчезнуть. Ты испаришься со всех сайтов, твоя электронная почта заглохнет. Тебе придется найти способ зарабатывать деньги, потому что зарплату с прежней работы – не знаю, кем ты работаешь и где, но больше ты получать бабки не сможешь. Это все очень трудно организовать – но это цена за твою жизнь. Если ты не сумеешь, я дорого заплачу за то, что тебя отпустил. Меня убьют, и хорошо, если сразу... Как

нетрудно догадаться, подобный вариант меня совершенно не устраивает. Но и тебя – если поймут, что ты жива, если где-то мелькнет хоть одна шерстинка с твоего хвоста – убьют. Новый киллер тебе не даст шанса, как я.

– Но... Я не представляю, как все это устроить!

– Не моя проблема. Сиди и думай. Пока не придумаете, никуда отсюда не двинемся. Я специально уехал в глухое место, чтобы убедиться, что слежки за нами не было, так что можешь тут сидеть хоть месяц. А пока ты думаешь, мне нужно сделать несколько фото для отчета.

– Какие еще фото?

– Твоего трупа.

– Моего – чего???

– Кадавра.

– Но ведь вы сказали, что не будете меня...

– Ты по жизни дура или у тебя с перепугу мозги раскорячились? Я же сказал сделать ФОТО, а не сделать труп. Всё, выходим из машины. И не вздумай бежать, иначе выстрелю тебе в спину.

Он открыл багажник и принялся в нем копать.

Придурок, выстрелит он! Да если я отойду от тебя хоть на два шага, ты в этом мраке моей спины уже не увидишь!

Но и я не увижу, куда направить свои два последующие шага...

Я выбралась на мокрую траву, щедро усыпанную палой листвой. Одурающе пахло грибами, – хотя вроде бы в ноябре грибы уже не растут... Или растут? Света от луны едва хватало, чтобы разглядеть собственные ноги. Впрочем,

хватило его и на то, чтобы увидеть лопату в руках у Роберта, которую он вытащил из багажника. Карман его ватника оттопыривала какая-то бутылка.

Он включил фары машины, осмотрелся.

– Вот тут, – ткнул он пальцем в сторону большого, ветвистого куста. – Самое подходящее место для твоей могилки. Давай сюда руки.

Он расстегнул замки наручников, и я, поморщившись, принялась тереть запястья. Я часто видела этот жест в кино и всегда задавалась вопросом: наручники жмут, что ли? По логике вещей, не должны: руки скованы, чего же боле? Ну вот, посчастливилось узнать ответ: сами-то они не жмут, нет, но рукам приходится лежать на чем-то, в моем случае – на коленях. Опустить ведь их вдоль тела нельзя... Вот потому и дают браслетики, впиваясь в кожу нижней стороной.

– Хватит массаж себе делать, время идет. Держи лопату. Начинай копать вот по этому периметру. – И он очертил ногой прямоугольник на тяжелой от дождя траве, взъерошив опавшие листья. – Сначала надо поддеть дерн и сложить его куски в сторонке. А потом уже копать вглубь. Давай, давай, шевелись.

Я воткнула лопату в землю и с трудом перевернула пласт дерна. Хорошо еще, что земля не промерзла: несколько легких ночных заморозков начала ноября не успели превратить ее в «цемент».

Роберт посмотрел на меня, затем достал из багажника вторую лопату. Мы принялись копать в две пары рук. Мою могилку, как он выразился. Хотя минуту назад уверял: смерти он мне не желает. Я до такой степени запуталась в его словах и намерениях, что оставила все попытки найти хоть какую-то логику. Ладно бы выкуп за меня потребовали у отца, – это было бы ничем не лучше нынешней ситуации, но хотя бы понятно. Однако Роберт утверждает, что его наняли какие-то люди и хорошо заплатили за мое убийство, – и что это за цирк? Кому понадобилась моя серая, пыльная жизнь, в которой мои котлеты так же бездарны, как и секс?

Может, все-таки рискнуть, сбежать? Я огляделась. Деревья стояли стеной, и куда двигаться, спотыкаясь об корни и кочки, в каком направлении, непонятно. Так можно в самую чашу забрести, а то и в болото...

– Не могу больше, руки болят. – Я воткнула лопату в землю и оперлась на нее. – Дай передохнуть.

– Хорошо. Я тоже передохну. Пойдем в машину, посидим пять минут.

Мы забрались на сиденья. Роберт погасил фары.

– Ты все еще опасаясь, что за нами следят?

– Нет. Почему ты спросила?

– Ты фары выключил.

– А-а-а... Это для экономии. Чтобы аккумуляторы не разрядились.

Я только сейчас заметила, что перешла на «ты», но исправляться не стала. В конце концов, этот мужик мне тыкает с самого начала, с чего бы мне церемониться!

– Можешь объяснить мне кое-что?

– Я сам ничего не понимаю, так что вряд ли.

– И все-таки. Зачем мы роем «могилку», если ты не намерен меня убивать?

– Для отчетности.

– И как ты собираешься эту «отчетность» сдавать? Кому? Ты сказал, что не знаешь людей, которые тебя наняли.

– Есть телефон. По нему и отправлю. Иначе не видать мне второй части денег.

– Ах, тебе дали только задаток... Всю сумму получишь по исполнению заказа? Разумно. И во сколько оценили мою жизнь?

– Вот идиотка, честное слово! – в сердцах воскликнул он. – Если я скажу, что в миллион, ты засияешь от счастья? Что так дорого стоишь? А если только в десять тысяч, будешь рыдать от унижения? Пошли копать, хватит тут расслаживаться! – И он снова включил фары.

Надо признать, он был прав. Действительно, какая разница, сколько заплатили за мое убийство?! Важно лишь одно: убьет он меня или оставит, как обещает, в живых?

Мы копали, копали, копали. Это оказалось чертовски тяжелой работой. Мы даже куртки скинули – стало жарко. Через некоторое время у меня на ладонях вздулись волдыри.

– Все, больше не могу. Посмотри на мои руки. – И я подставила руки под луч от фар.

– И чего, я должен один тут вкалывать?

– Между прочим, тебе за это платят. Могилка входит в заказ, как я понимаю. Чтобы мое тело никто не нашел.

...И чтобы даже родители, мама и папа, никогда не узнали, куда подевалась их дочь, – вдруг подумала я. Наши отношения никак не назовешь теплыми, но все же...

Наконец яма приняла убедительные очертания. В такую действительно мог поместиться труп. Мой, например.

– Ложись вот тут, – скомандовал Роберт и указал мне на уютное местечко в мокрой холодной траве недалеко от ямы. – Ты видела, как трупы в кино выглядят?

– Видела. Некрасиво.

– Да уж, никто до сих пор не додумался устроить конкурс красоты для трупов. Может, застолбить идею? Сделать заявку на шоу? Уверен, будет пользоваться

успехом. Народ обожает разглядывать чужую смерть.

- Продай идею в Голливуд. Сразу станешь миллионером.

- Не смешно. Ложись давай.

Я хотела было надеть куртку, но он мне не дал. Сказал, что трупу куртка не нужна и без нее будет эффектнее. Вот козел.

- К тому же второй у тебя нет. Испачкаешь в земле – нечего будет надеть, – добавил он рассудительно.

Я растянулась недалеко от ямы и закрыла глаза.

- Ты чего, поспать тут решила? Устроилась, будто в кровати! Ну-ка, включи воображение! Представь, что я в тебя выстрелил, а ты упала, испуская дух... Упала, как пришлось, – а не в постельке поудобнее улеглась. Ножку давай подверни неуклюже, ручки раскинь как-нибудь по-дурацки. Голову набок поверни. Волосья взъерошь.

Некоторое время мы упражнялись в театральном искусстве. Наконец самозванный режиссер выразил удовлетворение моей позой.

- Вот, отлично, так и лежи. Не дергайся, я сейчас нанесу на тебя краску. Типа кровь. Ты куда предпочитаешь: на грудь или голову?

- Дурак, – прошипела я, не меняя позы.

- Давай на грудь. Это так эротично, – ехидно проговорил Роберт и плеснул на меня краски из той бутылки, что распирала его карман.

Радости от открытия, для чего бутылка предназначалась, я не испытала. Холодная жидкость на моей груди, холодная земля подо мной. Как же мне хотелось поверить, что это дурной сон, что я просто раскрылась ночью и замерзла и нужно лишь чуть-чуть проснуться и натянуть на себя одеяло!

Поверить не удалось. Роберт мазнул краской по моей щеке.

- Глаза держи открытыми. Не моргай, когда будет вспышка. И не дыши, когда скомандую. Выдохни и задержи дыхалку.

- Зачем?

- Фоток надо сделать несколько. И важно, чтобы не получилось разницы в объеме груди. Когда дышишь, объем меняется от вдоха к выдоху. Сечешь?

- Не дура.

- Пока не очень-то заметно, - скептически хмыкнул он и принялся щелкать телефоном, делая снимки.

Наконец моя фотосессия была окончена.

- Чудненько, - довольно произнес он, рассматривая фотографии в своем телефоне. - Ты просто звезда. Теперь, барышня, извольте разместиться на ложе.

- С ума сошел? Там сплошная грязь!

- Ты - труп. А трупы не выбирают, где им валяться. Сигай в яму, не то я тебя столкну сам. И плюхайся так, будто тебя туда кинули, бездыханную.

Я стояла на краю довольно глубокой ямы и не понимала, как я должна туда залезть. Сесть на край и сползти вниз? Прыгнуть? Я ведь перепачкаю всю одежду, руки, лицо, - как потом буду отмываться? И где?

- Так, все ясно, - произнес Роберт за моей спиной. - Ну-ка, ложись вдоль края и скатывайся вниз. Если не хочешь, конечно, чтобы я тебя сам туда скинул.

- И что я потом буду делать, вся грязная? - недовольно спросила я.

- Могу тебя там закопать. Тогда этот вопрос перестанет тебя волновать.

- Дурак. Мне холодно!

- Тогда поторопись. Раньше ляжешь, раньше выйдешь.

Делать было нечего. Я осторожно вытянулась вдоль края «могилки», затем перевернулась и скатилась на дно, плюхнувшись на живот. Прикосновение холодной, липкой земли было отвратительным.

Роберт молчал. Я его не видела, уткнувшись носом в землю, и не понимала, почему не слышу щелчков фотоаппарата.

- Все-таки лучше ложись на спину, - наконец произнес он. - Так тебя будет лучше видно. А то валяется тут непонятно что...

- Я очень даже понятно что. И даже кто! - обиделась я, переворачиваясь.

- Не умничай. Ногу подогни под себя. Руку забрось за голову. И лицо немного отверни. Хватит и твоего полупрофиля.

Я выполнила команды, и Роберт наконец защелкал, делая снимки.

- Теперь лежи смирно, не меняй позу. Я немножко забросаю тебя землей. Не шевелись, поняла?

И ком земли шлепнулся на мою щеку. Я вздрогнула. А что, если он все наврал, чтобы заговорить мне зубы, сделать меня покладистой, а сам сейчас меня живьем закопает?!

Новый шлепок земли на грудь. Потом на живот. На ноги.

Если он шмякнет еще ком земли на мое лицо, то она забьет ноздри, и я не смогу дышать!

Но вскочить и броситься наутек я не посмела. Если это все делается действительно ради фотографий, то я все испорчу. А если он задумал меня убить...

То мне все равно не спастись. Пока буду выбираться из ямы, один удар лопатой и...

Я услышала новый каскад щелчков.

– Эй, ты чего, заснула там? – неожиданно донеслось до меня. – Вылезай давай. Дело сделано.

И он протянул мне руку.

Никогда еще в своей жизни я так не радовалась поданной мужчиной руке! Ухватившись за нее, я выбралась из ямы, мокрая, грязная, замерзшая. Роберт, не отпуская моей ладони, привел меня к раскрытому багажнику. Там оказалось несколько бутылок с водой, рулоны бумажных полотенец. В большой дорожной сумке – вот неожиданность! – лежала моя одежда: свитера, брюки, носки, кроссовки, даже белье.

– Умывайся и переодевайся, – распорядился он. – Грязные вещи отдашь мне.

С этими словами он ушел к носу машины, оставив меня одну под сенью крышки багажника.

– Откуда у тебя моя одежда? – спросила я, снимая джинсы.

– Из твоей квартиры.

– И как ты туда попал? – Пришлось и трусы поменять, они намокли, пропитавшись бурой водицей из «могилки». Я подивилась предусмотрительности Роберта, припасшего мое белье для смены.

– Через дверь.

– Но как ты ее открыл?!

– Пальцем, – хмыкнул он. – У тебя в запасе исключительно дурацкие вопросы.

- Ты домушник?

- Домовой. Ты скоро?

- Нет, минуточку! У меня металлическая дверь, ее не взломать!

- Конечно. Зато ключами открыть можно.

- Ключами? Откуда у тебя ключи от моей квартиры?!

- Чтобы вытащить ключи из чужой сумки и сделать слепок, нужно меньше минуты.

- И где же ты ухитрился залезть в мою сумку?!

- Хорош болтать.

- Нет, ну все-таки! Очень любопытно узнать!

Роберт тяжело вздохнул, давая понять, как я его достала.

- Никогда не вешай сумку на ручку стула в кафе или ресторане... Ты ведь сегодня обедала в ресторане, верно?

- А ты, значит, за мной весь день следил?! - высунулась я из-за крышки багажника.

Роберт пожал плечами с таким видом, будто я спросила, уверен ли он, что сейчас ночь.

Ну да, подумала я с досадой, следил, конечно. А то как бы он меня поймал точнехонько в тот момент, когда я проходила под аркой?

- Между прочим, ты должна меня благодарить за то, что я взял для тебя запасную одежду! - сердито произнес он. - О тебе позаботился!

А ведь и правда. Действительно позаботился.

– Спасибо, Роберт. Но я бы предпочла не оказаться в подобной ситуации. Из-за тебя мне приходится бежать из дома, а ты так трогательно облегчаешь мою участь сумкой с несколькими шмотками.

– Из-за меня? – Он поднял брови. – Слушай, Таисия, у тебя и вправду непорядок с головой. Я, что ли, хочу тебя убить? Да ты свечку в церкви поставь боженке за то, что эти люди выбрали меня! Не то бы твой труп уже успел остыть!

Ответить на его слова мне было нечего. Все именно так, он полностью прав...

– Вот, держи. – Я сунула ему в руки ком своей грязной одежды.

Роберт подошел к яме и бросил его на дно.

– Зачем ты это делаешь?

– Тебя ведь будут искать. Твои родители или друзья дадут описание шмоток, в которых тебя видели последний раз. Так что они тебе больше не пригодятся. А куртку придется купить новую в первом же магазине.

Он вернулся к машине, открыл дверцу со стороны пассажирского сиденья и открыл бардачок. Когда он распрямился, я увидела в его руке пистолет. «Зачем он его взял?!» – напряглась я.

Роберт, будто почуяв мой испуг, пистолет опустил дулом вниз, направился к «могилке» и бросил его на дно, вслед моей грязной одежде. Затем принялся яму закапывать.

Я вздохнула с облегчением. И не стала спрашивать, почему он решил выбросить пистолет.

Он меня не пожалел и, несмотря на волдыри на моих ладонях, заставил забрасывать яму землей вместе с ним.

Наконец мы ее закопали. Роберт положил сверху куски дерна, которые мы сняли в самом начале, и теперь место, где находилась «могилка», невозможно было отличить от остальной поверхности поляны.

Мы вернулись в машину.

– Ну что, придумала, как исчезнуть?

– Нет. Некогда было работать головой, пришлось больше руками.

– Тогда начинай думать сейчас, – не оценил он моей иронии.

Роберт уставился в свой телефон, отправляя сделанные фотографии заказчикам.

– Не проходит. Тут нет связи. Нужно подобраться поближе к цивилизации. – Он завел мотор, и машина, фырча от натуги, тяжело поползла по мокрой земле. – Не забывай, – без перехода добавил он, – если они поймут, что ты жива, – тебя уничтожат. Меня тоже. Поэтому, если не сумеешь хорошо спрятаться, мне все-таки придется тебя убить... Ага, здесь лучше.

– Ты ведь пистолет выбросил, – с иронией заметила я. Чего, мол, пугаешь понапрасну.

– Он проходил по уголовке, держать его опасно. Но другой найти не проблема, – сухо ответил он. – Да и задушить тебя тоже несложно.

Вот и пошутила. Точно идиотка. Любительница лезть на рожон.

Мы медленно катили по проселочной дороге, Роберт смотрел на дисплей мобильного. Наконец заветные черточки, обозначающие наличие сети, возникли в верхнем углу экрана. Он остановил машину и возобновил манипуляции с отправкой снимков.

Кажется, ему это удалось. Спустя несколько минут он положил сотовый на приборный щиток и сложил руки на руле.

– Ну что, идеи есть?

Я покачала головой.

- В школе на двойки училась? Совсем тупая, да?

Я не ответила. Что можно ответить на подобный выпад?

- Я жду! – повысил он голос.

- Чего ты хочешь от меня? Каким образом я могу исчезнуть? Мне же надо где-то жить, на какие-то средства, – как, как это все устроить???

Деньги у меня имелись, и вполне приличная сумма, – но, во-первых, они ведь рано или поздно закончатся, если не будет притока новых, а во-вторых, Роберту совсем не нужно об этом знать. От бандита можно ожидать чего угодно.

- Наверное, ты решила, что я шучу. Что я на самом деле добренький такой дядя, раз решил отпустить тебя живой. Но я еще не решил, идиотка, – я пока еще решаю! И итог зависит от тебя! Да, я не хочу руки марать убийством, это так; но моя жизнь мне дорога – дороже твоей. И коли придется выбирать, то выбор будет не в твою пользу, ферштейн?!

Я молчала. У меня не нашлось ни слов, ни мыслей.

- Ладно, тогда я достаю наручники, заклеиваю тебе рот и...

- Не надо... Я... Подожди... У меня есть подруга, однокурсница, она живет далеко от Москвы, в Воронеже, я спрячусь у нее, она меня не выдаст... – залепетала я.

- Чтоб баба да не выдала, ага.

- Она надежная... преданная такая подруга...

- Ладно, допустим. И дальше что?

- Я поживу у нее какое-то время...

- Какое?

- Пока все не утихнет... Пока не перестанут меня искать...

- А потом?

- Потом... Я не вернусь в Москву, обещаю! Найду какую-нибудь работу... Никто не узнает...

- Как ты на работу будешь устраиваться? На какую? Что ты умеешь делать?

Я не знала, что ответить. На самом деле, я ничего не умею делать. У меня диплом экономиста, но в министерстве у папы я только бумажки читала и подписывала.

Роберт ждал ответа, храня грозное молчание. Я нервничала.

- Не знаю, найду что-нибудь! - воскликнула я.

- Ладно, - кивнул он, - представим, ты нашла что-то подходящее, пришла в отдел кадров. Дальше?

- Что «дальше»?

- У тебя паспорт попросят, идиотка! А ты в розыске! Твой паспорт, твой телефон, права, банковские карточки, - все это я у тебя заберу. Собственно, они уже у меня. В твоей сумке. А сумка в моем багажнике. Твой телефон уже давно выключен, причем навсегда.

- А как же я без паспорта? Ни на работу, ни квартиру снять... Без него нельзя!

- Сделай себе фальшивый.

- С ума сошел? Будто его можно в «Ремонте обуви» заказать! Такими вещами преступники занимаются, где я буду их искать?! Встану посреди улицы: ау, кто тут фальшивые паспорта изготавливает?!

– Хватит орать. Вопросы здесь задаю я. А ты должна дать на них ответы. Вместо этого ты вопишь, что ничего не умеешь, не знаешь, не понимаешь. И с рождения полная дура.

Слезы неожиданно скопились в уголках моих глаз. Я даже удивилась: откуда они взялись? Не плакала, не хныкала, ни когда в наручниках да с пластырем на губах сидела, ни когда Роберт грозился меня убить. Да и вообще, я крайне редко плачу. А вот вдруг, услышав в очередной раз обидное «идiotка-дура», я расклеилась. Может, я и вправду никчемная, балованная богатыми родителями девица – но я хорошая! Хороший человек, отзывчивый, друзьям помогаю. И совсем я не дура! И не идиотка! Я умная... Начитанная... Много чего знаю... Ну и что, если не всегда нахожу решения! Это еще не значит, что дура. Умные тоже не всегда принимают правильные решения... Особенно в сложных ситуациях... Когда надо быстро, а ты к этому не готова, потому как никогда о подобных вещах не задумывалась, – а тебя при этом грозятся убить...

Я тихо шмыгала носом. Роберт молчал.

– Платок какой-нибудь есть? – спросила я севшим голосом. – У меня упаковка в сумочке, но ты ее отобрал.

Он покосился на меня. Затем вышел из салона, немного повозился и принес мою сумку. Ища упаковку бумажных платков, я поняла, почему он замешкался у багажника: моя сумка облегчилась на вес телефона, паспорта, карточек и даже кошелька.

Высморкавшись и промокнув глаза, я опустила сумку на пол, себе под ноги. Тоска, отчаяние, беспросветность. Тьма и холод, и чужой, враждебный человек рядом.

– А знаешь что? Лучше действительно убей меня. Я не только ничего не в состоянии придумать сейчас, – я и дальше такой буду. Идиоткой, как ты выразился. Я выросла в обеспеченной, благополучной семье. Хоть отношения у нас отнюдь не теплые, если честно, но мне никогда не приходилось сталкиваться с жизненными трудностями. Я ничего не умею, ничего! Даже котлеты пожарить... – Голос мой дрогнул. – И мне придется жить в постоянном страхе, что я себя выдам, отчего только наделаю больше ошибок и глупостей...

И убийцы меня легко найдут. Поехали, раскопаем могилку. Все равно это не жизнь. Только, прошу, убей так, чтоб сразу... Чтобы я не мучилась.

Роберт молча тронул машину. Вот и все. Он возвращается к могилке... Что ж, я сама напросилась. Только я, кажется, вовсе не...

Наверное, я подсознательно надеялась, что он сжалится надо мной и... Не знаю, что должно следовать за этим «и». Отпустит? Но это невозможно, он доходчиво объяснил. Но тогда на что я надеялась, прося его убить меня прямо сейчас?! На какую милость? На какую помощь???

К тому же пистолет он закопал в яме. И что же, теперь он будет меня душить?!

Боже, вот уж действительно идиотка!

Я было открыла рот, чтобы сказать (да, как полная дура, сама понимаю), – мол, не надо, я передумала, я не хочу умирать! Как вдруг обратила внимание, что мы едем не обратно в лес, а, наоборот, в сторону шоссе.

На этот раз я сочла за лучшее промолчать. Возможно, он собирается убить меня в другом месте? Хотя практичнее с точки зрения эргономики – экономии сил, иначе говоря... – практичнее было бы вернуться к уже выкопанной яме. Раскопать взрыхленную землю ничего не стоит... И раз он поехал не назад, а вперед...

Надежда вдруг обняла меня своими теплыми крылами, пригрела у себя на груди.

Мы вывернули на шоссе и отправились куда-то в ночь.

СРЕДА

Навигатор показывал карту, но Роберт не проложил по нему путь. Мы просто ехали по шоссе, а он время от времени смотрел на названия населенных пунктов. Мне они ни о чем не говорили, эти названия, и я не понимала, в каком направлении мы движемся, – хотя почему-то казалось, что на юго-восток от Москвы.

Вопросов я не задавала, счастливая уж тем, что мы не двинулись к могилке.

Наконец, по ведомым лишь ему причинам, Роберт взял курс на населенный пункт под оригинальным названием Егоровка.

Было еще темно, однако ночь, если верить часам, уже трепетала на исходе. В ноябре темнеет рано, светает поздно, но семь после полуночи – это все-таки утро.

Мы въехали в населенный пункт Егоровка. То ли маленький городок, то ли большое село... Скорее, первое, поскольку мы проехали несколько тихих улиц и оказались в центре. Небольшая площадь, на которой в современном здании расположилась администрация города. Посреди площади фонтан – он, конечно, не работал: не сезон. Справа от административного здания краеведческий музей, рядом с ним заведение общепита под непритязательным названием «Центральное кафе». Слева ЗАГС, дальше городская библиотека.

На улице, пересекавшей административную площадь, – сердце города, со всей очевидностью, – расцвели коммерческие заведения. Парикмахерская, бар, «Пятерочка» аж в двух экземплярах по обеим сторонам улицы. Среди них затесались почта и «Сбербанк».

– Пошли перекусим, – произнес Роберт. – Время завтрака.

Как ни странно, «Центральное кафе» оказалось уже открыто. Роберт поставил машину на стоянку, мы вошли. Посетителей в этот ранний час еще не было, и нас, первых клиентов, жизнерадостно приветствовал худосочный мужичонка со светлой редкой бороденкой, зато в черном фартуке и черной же шапочке, смахивающей на докторскую. Нынче у поваров мода такая пошла, я знаю, видела однажды такие костюмчики по телику, в передаче, где соревновались крутые «шефы».

– Желаете позавтракать? Яичница с беконом, омлет с грибами, сэндвич с ветчиной, лосось с авокадо? – Он, как истинный джентльмен, будто не замечал бомжеватого вида Роберта.

Надо же, какой сервис в этой глуши, удивилась я. Не зря он такой прикид надел! Впрочем, в глуши я не бывала лет пятнадцать, со школьного еще возраста, когда

с родителями ездила на дачи – нашу и к их друзьям, – а страна ведь движется к коммерческому прогрессу семимильными шагами. Все, что может принести деньги (предпринимателям, функционерам и прочим разновидностям поклонников бабла), – все это у нас расцветает буйно, быстро и активно. И как следствие, прогрессирует мастерство и профессионализм деятелей сферы обслуживания: продавцов и консультантов, поваров и метрдотелей, парикмахеров и косметологов, тренеров по фитнесу и так далее, и тому подобное. Что радует, конечно.

Не сговариваясь, мы с Робертом заказали яичницу с беконом. Завтракали мы – как и ехали последний час – в полном молчании. Я зареклась задавать вопросы, чтобы снова не услышать, что я «идiotка». Мелкие реплики типа «хочешь кофе?» – не в счет.

Я чувствовала, что он принял какое-то решение, и оно напрямую касалось меня – моей безопасности, а то и моей жизни... – но решила быть тише воды, ниже травы...

Повар больше не появлялся, теперь нас обслуживала официантка, полная девица с круглым сонным лицом. Излишне короткая юбка открывала толстые ляжки, завязки фартука некрасиво врезались в складочки жира на боках, – все, что можно было сделать, чтобы ухудшить о себе впечатление, девушка сделала. А почему – загадка. Может, у нее зеркала дома нет? Или ресторанный прогресс не дошел. Разве что в виде бейджика на груди: «Нина».

Мы закончили завтрак, Нина унесла тарелки, принесла Роберту кофе и горячий шоколад мне.

Я гадала: что дальше?

– В твоей сумке найдется блокнот? – вдруг спросил Роберт.

– Откуда? Я все в телефоне записываю.

Он подумал немножко.

– Посмотри напротив, – указал он. – Почту видишь?

- Ну.

- Ты закончила завтракать?

- Да... - Я сделала последний глоток горячего шоколада. - И куда теперь?

- Туда, - махнул он рукой в сторону почты. - Девушка, рассчитайте нас.

Подошла официантка, Роберт достал из кармана своего ватника мой кошелек и протянул ей деньги. Я не удержалась от брезгливой гримасы. Мне не было жалко денег - нет, но противно, что мужчина попользовался ими без моего разрешения.

Впрочем, это был не мужчина. Это был бандит. Который по не слишком внятным причинам не стал меня убивать. Однако получил плату за мое убийство...

На почте Роберт купил блок писчей бумаги и конверт.

- Садись, пиши прощальное письмо родителям.

Я не поняла, что он имеет в виду, и посмотрела на него с удивлением.

- Как будто я собралась покончить с собой?

- Да нет же, - с досадой произнес он. - Я раньше думал, что интеллигентные люди - все умные. Сам-то я парень простой, даже институт не закончил. А у тебя небось и диплом есть, а?

- Конечно, - пожала я плечами.

- А почему ты тогда такая дура?

- Хватит обзывать! - возмутилась я.

Теперь, когда мы находились не в черном сыром лесу возле вырытой могилы, я стала посмелее.

- Да не обзываюсь я, - в сердцах воскликнул он. - Ты реально ничего не сечешь! Есть люди, которые на лету схватывают, а тебе надо все объяснять по пять раз!

- Это потому, Роберт, - холодно произнесла я, чеканя слова и глядя ему прямо в глаза, - что мы живем в разных мирах. И твой я действительно не секу. Потому что в моем не убивают. Не берут деньги за смерть. Не копают могилы по ночам в чаще леса. И не платят по счетам чужими деньгами.

- Да они уже не твои! - взорвался он. - Тебя нет! Я тебя убил!

- Потихе, - поморщилась я. - На тебя оборачиваются. Так что мне написать родителям? Какова твоя гениальная мысль? - Я ехидно усмехнулась.

Он помолчал, стараясь справиться с яростью.

- Твои родители, полагаю, начнут волноваться, - совершенно спокойно, даже доброжелательно произнес наконец он, и я оценила его умение владеть собой. - И обратятся в полицию с просьбой объявить тебя в розыск. Как ты понимаешь, нам это не нужно. Поэтому убеди их, что ты куда-то уехала на неопределенное время.

- С учетом сложившихся обстоятельств это правильная мысль, - кивнула я. - И ты знаешь, тебе невероятно повезло: я как раз пару дней тому назад с ними крупно поссорилась. Заявила, что мне надоела их опека, что я хочу жить самостоятельно так, как считаю нужным. Я потому и вернулась, собственно, в московскую квартиру. Не то бы поехала в наш загородный дом. И ничего бы не случилось со мной...

- Не плачь, - тихо произнес он, неожиданно деликатно дотронувшись до моей руки. - Главное, ты жива. Мы что-нибудь придумаем, эй, слышишь? Только не плачь...

- А разве я плачу? - повернула я к нему лицо. - С чего ты взял?

– Показалось, – кивнул он и утер двумя согнутыми пальцами две мои нечаянные слезинки. – Давай, пиши письмо. Как только я тебя устрою, вернусь в Москву за оставшимся гонораром, заодно и письмо в ящик брошу.

Я не ответила и принялась писать.

Едва мы закончили на почте, как Роберт потащил меня в парикмахерскую.

– Скажи им, чтоб покрасили тебя в блондинку!

– Зачем? – неприятно удивилась я.

Будучи шатенкой – натуральной и вполне яркой, – я вовсе не хотела перекрашиваться в блондинку, как все идиотки.

– Чтобы тебя не узнали, балда! – пихнул меня в бок спаситель. – Все-таки ты удручающе бестолкова. Если тебя в розыск родители – или кто еще, не знаю, – объявят! И опишут твою внешность!

– Ты только что заставил меня написать им письмо. Они ему поверят, не сомневайся, у нас и впрямь плохие отношения. Поэтому ни в какой розыск они подавать не будут.

– В ближайшие дни не будут, верно. Но спустя некоторое время забеспокоятся. Обратятся в полицию. Там распечатают твои портретики и разошлют по всей стране. И кто-нибудь вдруг вспомнит, что видел такую там-то и там-то... Короче, давай, шевелись. И пусть сделают модную стрижку.

Пфф-пфф. Это я фыркнула. У меня были волосы средней длины, иногда я их носила распущенными, иногда подбирала на затылке, и меня мои прически вполне устраивали.

– Что значит модную?

– Не знаю. Плевать. Ты должна изменить внешность... Насколько это возможно. Хотя если тебе мои предложения не нравятся, то можно разбить тебе нос, чтобы

он свернул направо. Или налево. Так тебя точно никто по описанию не узнает. Хочешь?

- Дурак, - прошипела я и вошла в парикмахерскую.

- Эй, - крикнул он мне вслед, - погоди!

Я вернулась. Роберт протянул мне через окошко машины несколько тысяч.

Взятых, без сомнения, из моего кошелька.

Он сидел в машине напротив салона, я видела его через стеклянную стену. Обесцвечивание, краска и стрижка заняли немало времени - однако он спокойно ждал окончания издевательства над моими волосами.

Из парикмахерской я вышла платиновой блондинкой. С одного боку пряди волос были частично розовыми и зелеными на концах, с другого светлые волосы обриты почти наголо.

- А тебе идет, - хмыкнул он, когда я вернулась в его машину. - Очень стильно получилось.

- Будто ты разбираешься, что стильно, а что нет. Ты вообще кто?

- Никто.

- Странно, что ты не ответил «дед Пихто».

- Дура.

- От такого слышу.

Мы покинули Егоровку и снова колесили по разным шоссе час-другой. Я засыпала - немудрено после бессонной ночи - и просыпалась время от

времени.

- Куртка, – вдруг произнес Роберт.

- Какая куртка?

- Мы должны были купить тебе новую. У меня вылетело из головы.

- Зачем?

- Слушай, ты нарочно? Признайся, тебе просто нравится меня злить, да?

- А что я такого сказала? – надулась я.

- Глупость сказала! – повысил он голос. – Я ведь тебе еще в лесу объяснил зачем!

- Да ладно... Чего злишься... Это не срочно ведь. Ты сам говорил, что пока меня никто не станет искать.

- А я, по-твоему, сколько времени с тобой буду нянчиться? Может, проживем вместе недельку? Или давай вообще поженимся и умрем в один день?! Хотя с тобой не получится в один день: ты меня в могилу за месяц сведешь своей тупостью.

- А ты меня – за пару дней. Своим благоуханьем, – ядовито произнесла я.

- Запах легко устранить за несколько минут мытья в душе. А вот тупость – это навсегда. Ничем не соскребешь! – заорал он.

- Да иди ты... – безразлично ответила я и снова закрыла глаза.

Видела из-под ресниц, как он покосился на меня. Кажется, что-то еще хотел изречь, но передумал и уставился на дорогу. А я почти сразу же провалилась в дрему.

Не знаю, сколько мы еще проехали, но спустя некоторое время Роберт разбудил меня. Мы находились в каком-то очередном городишке, с виду малоприветливым, и он притормозил возле жилого многоэтажного дома. На первом этаже лесенка вела к двери, над ней вывеска: «Женская одежда». Подъезды явно с обратной стороны, выходят во двор, – а магазин смотрит на улицу.

– Вылезай.

Я не стала спрашивать, что мы тут делаем. И так ясно: покупаем куртку.

Я выбралась из машины. День был серым, низкое небо хмурилось и грозило дождем. Но пока не капало, спасибо и на том.

Магазин оказался комиссионным. Я не люблю подержанные вещи, однако смолчала: надоело препираться с Робертом. Мы быстро прошлись вдоль вешалок с верхней одеждой. Роберт вытащил из тесного ряда темно-серую куртку с капюшоном, а я – лакированную уродину фиолетового цвета.

Увидев ее, Роберт покрутил пальцем у виска:

– Поярче выбрать не могла? Чтобы тебя за километр замечали?

– А ты о чем думал, когда мне стрижку посоветовал? С ней меня и так за километр видно.

– Нужно было максимально изменить твою внешность!

– Вот эта курточка и послужит делу конспирации. Ни один человек, знающий меня, не поверит, что в данной фиолетовой оболочке могу находиться я.

Роберт только рукой махнул, – мол, как знаешь! – и оплатил покупку.

И снова дороги, и снова тяжелая дрема, не приносящая отдохновения, в чередовании с пробуждениями, не приносящими радости. В какой-то момент

я обнаружила, что Роберт выключил навигатор. Я хотела было задать вопрос... Но сообразила сама: мы достигли местности, которая ему знакома.

Я напрягала глаза, в ожидании указателя, – бесполезно. Сон накатывал, наваливался, подминал под себя, как валун на горном склоне. Я все проспала, пока не услышала голос Роберта. Он говорил по сотовому.

– ...в силе? – услышала я.

Не знаю, о чем шла речь, и не слышала, что ему ответили.

– Я не один. С девушкой.... Да, это я и имел в виду. – Он усмехнулся. Похоже, его собеседник сказал какую-то скабрёзность. – Ключ, как раньше?

Ключ? То есть какой-то его приятель предоставляет нам квартиру? Неужели такое счастье?

Роберт покосился на меня. Увидел, что я проснулась, и отключил телефон.

– Я договорился о квартире с одним знакомым. Вымоемся и отдохнем. А потом поговорим. Время до того, как тебя объявят в розыск, у нас и вправду еще есть. Ты ведь не каждый день докладывала родителям, что вернулась домой? Исходя из того, что у вас не слишком теплые отношения... Значит, нормально, что ты им не звонишь. А завтра я отправлю им твое письмо, что даст нам дополнительную фору.

Я закрыла глаза. Снова мгновенно провалившись в сон, я очнулась лишь тогда, когда кто-то принялся трясти меня за плечо.

С трудом разлепив веки, я не сразу сообразила, что за мужчина рядом со мной в машине. И что за машина, в которой я нахожусь. А когда сообразила, мне сразу стало неудобно, одиноко и горько.

– Чего тебе? – недружелюбно спросила я.

– Приехали. Вылезай.

Машина стояла перед пятиэтажкой из серого кирпича. Хотя нет, при ближайшем рассмотрении в доме имелось лишь четыре этажа. Таких в Москве то ли вовсе не существует, то ли мне не довелось увидеть. Но мы были явно не в Москве. Не только дом, но и вся улица с низкими постройками, развороченным тротуаром, сараевидным магазином невдалеке с надписью «ПРОДУКТ» – буква «Ы» отвалилась и висела верх тормашками, – все это говорило о том, что мы находимся не в Москве.

Роберт вынул мою сумку с одеждой из багажника и направился к двери подъезда – я за ним.

– Ты в моей квартире ничего не взял, кроме одежды?

Роберт обернулся.

– Взял. Все наличные деньги, которые ты с изумительной беспечностью держишь в ящике письменного стола.

– Потрясающе. Украшения не забыл прихватить?

– Я не вор! Я сделал доброе дело для тебя. И, как ты сама убедилась, одежда тебе уже пригодилась, деньги тоже.

– Не вор? А где же ты тогда научился делать слепки с ключей?

– Ну, я в то время еще подростком был... Это не считается.

Я скептически хмыкнула. Роберт посмотрел на меня с верхней ступеньки.

– Ты девочка из богатой семьи, тебе не понять. А моя семья всегда нуждалась... В начале девяностых все вокруг уже начинали богатеть, и я хотел. Решил пивом торговать, тогда это было доходное дело – по крайней мере для нищего пацана. Однако требовался начальный капитал – сущие копейки на самом деле, однако их тоже где-то нужно найти... И я научился у одного дворового ловчи́лы шарить по карманам в транспорте. Но это было опасно и мало доходно. И тогда я с другим своим приятелем, ровесником, – нам по тринадцать было! – разработал

план. Мы вычисляли более-менее обеспеченного человека, начинали следить за ним, – и как только он оставлял сумку (женщина) или куртку (мужчина) без присмотра, мы делали слепок с ключей. У дружка дядя слесарем работал, он нам объяснил, что нужно для слепка: металлическая пластина, обычный пластилин и немножко подсолнечного масла. Ну, еще целлофановый пакет. Мы быстро насобачились укладываться в минуту. Затем дядя по слепку изготавливал ключи – и все, мы уже в квартире! Не брали ничего, кроме налички. Цацки там всякие, технику, шубы, – нет, это нам не нужно было. Только деньги, чтобы партию пива купить на перепродажу... Потом дело пошло, и больше я никогда ключи не крал. И не смей называть меня вором!

– Да я и не называла... – пожала я плечами.

Мы поднялись на второй этаж. Он нашарил на дверной притолоке ключ и отпер квартиру.

Она оказалась однокомнатной, с маленькой грязной кухней. Пустые бутылки из-под водки и пива толпились возле батареи отопления, в раковине горка грязной посуды, на столике крошки, которые спокойно смаковали тараканы, ничуть не опасаясь пришлых людей. Ручные, наверное.

В небольшой комнате основной мебелью являлись стол и раскладной диван с мятым, несвежим постельным бельем.

Только сейчас я осознала, до какой степени комфорт – включая эстетику и чистоту – жилища являлся для меня нормой. С папиными доходами наша семья никогда ни в чем не нуждалась: у нас всегда была большая и красивая квартира, которую ежедневно убирала домработница. Когда родители переселились в загородный дом, оставив московское жилье мне, домработница убирала квартиру дважды в неделю, – но этого достаточно. У меня всегда было просторно, уютно и чисто. Я не просто к этому привыкла: я с детства росла с убеждением, что жизнь так устроена. Комфорт был естественным, как деревья за окном.

Разумеется, я знала, что многие живут в бедности, иные в грязи, в антисанитарных условиях, – телевидение неустанно демонстрировало «изнанку жизни», – но знание это было умственным, не пережитым лично. И оно не меняло моего ощущения комфорта как данности природы.

И вдруг некие силы вырвали меня из привычного мира и перенесли сюда, в запущенную и тесную квартиру незнакомого алкаша.

Я глянула на Роберта. Его лицо ничего не выражало, но все-таки тень брезгливости пробежала по нему легким облачком.

– Будет разумнее сначала поспать... не раздеваясь, – произнес он. – А потом, уже перед уходом, принять душ и переодеться в чистое.

Спать здесь, даже в одежде, было невыносимо. Касаться щекой этой грязной подушки? Укрываться этим вонючим одеялом?

– Может, у него есть чистое белье? – неуверенно спросила я.

Роберт пожал плечами. Затем открыл одну дверцу в стенном шкафу, другую...

– Есть. Только не глаженное.

– Без разницы, лишь бы стиранное. Можно я постелю?

Он кивнул и ушел в туалет. Я занялась сменой постели, неожиданно осознав, что диван здесь один. Двухместный. И как же мы...

– Ты ложись у стенки, – появился Роберт, вытирая руки, – и заberi одеяло себе. Мне оно не нужно.

– А не мог бы ты... – я заговорила робко, опасаясь, что мой вопрос он сочтет за наглость, – не мог бы ты принять душ? От тебя плохо пахнет, извини... Нам все-таки рядом спать придется.

– У меня нет свежей одежды. – Он вроде не обиделся. – Хотя...

Роберт открыл шкаф своего приятеля, покопался и вытащил оттуда мятую, но чистую пижаму.

– Если ты тоже захочешь принять душ, то у тебя в сумке есть смена, – сообщил он.

– Я не так давно ношу эту одежду, – напомнила я ему: ведь я переоделась после того, как он сделал фотосессию моего «труса». – Она еще достаточно свежая.

В походных условиях следовало обходиться разумным минимумом: ведь грязную одежду негде пока постирать.

Роберт кивнул, – мол, дело твое.

– Иди, я после тебя, – махнул он рукой на дверь совмещенного санузла.

Я отправилась в указанном направлении. Сан-узел, по счастью, оказался несколько чище, чем рисовало мое воображение. Вымыв руки (отдельное спасибо за жидкое мыло, не пришлось пользоваться каким-нибудь грязным обмылком), я вытерла их туалетной бумагой – дабы не прикасаться к замусоленному полотенцу – и вернулась в комнату.

Роберт был занят... Глазам своим не поверила! Он гладил пижаму! Выковырял откуда-то старую гладильную доску без ножек, пристроив ее между спинкой стула и столом, и гладил белье! На краю уже сложилась небольшая стопочка: помимо пижамы, белая футболка, ситцевые трусы...

– Это я себе на завтра, – поймал он мой удивленный взгляд. – После душа хочется влезть в чистое.

Он закончил, выдернул штепсель утюга из розетки, сложил стопку на стол, убрал гладильную доску за шкаф.

– Ложись. Я пойду помоюсь.

Он взял пижаму и направился в ванную.

Я забралась на диван, придвинулась к стене, натянула на себя одеяло, старательно подоткнув края под себя, и провалилась в сон, будто в полынью, коварно поджидавшую меня под хрупким ледком реальности...

Когда я проснулась, к окну уже прилепились сумерки. Мне понадобилось время, чтобы сообразить, где я и что со мной произошло. Но как только память добралась до «могилки», я категорически отказалась ей верить. Это мне приснилось! – решила я. Ведь такого не может быть, не может, не могло случиться со мной!..

Я обвела глазами комнату. И она будто молчаливо покивала мне с вредной ухмылочкой: может, о, еще как может!

Вот же хрень какая. Рассказать кому – не поверят!

И тут память моя, проснувшись окончательно, шепнула: никому ты больше ничего не расскажешь. Ты должна исчезнуть. Больше у тебя нет родных, нет друзей – БОЛЬШЕ У ТЕБЯ НИКОГО НЕТ.

Стало тоскливо, страшно. Да, а к тому же я сама должна придумать, как половчее лишиться себя всего и всех! Будто заправский садист уготовил мне пытку, и вдобавок заставил изобрести, как именно меня сподручнее пытаться!

В глазах стало мокро. Я давно разучилась плакать, еще в детстве. Дети ведь плачут для мамы с папой. Чтобы призвать их на помощь. Чтобы прибежали, помогли, пожалели. Подули на разбитую коленку, прижали к себе, утешили. Но ко мне никто никогда не прибегал. Папа был всегда – всегда-всегда! – на работе. А мама – она занималась собой. Вела светскую жизнь, посещала какие-то вернисажи, концерты, спектакли, для чего – и это как раз было самым главным моментом ее дня – долго наряжалась, делала макияж, пропадала в салонах-парикмахерских... Когда я подросла, парикмахерши и маникюрши уже стали приходить на дом. И мама была всегда занята: она не могла пошевелиться. Руки ее были в плену у маникюрши, голова – у парикмахерши, а мысли... Они были далеко от меня. На мой плач бежала няня, позже гувернантка, – но не они мне были нужны, не их я звала, не для них я плакала...

И я перестала плакать.

Мама этого не заметила. С возрастом в отряд бойцов на фронте ее красоты вступили разного рода косметологи, и мама вечно лежала под салфетками, примочками, припарками. Еще чуть позже в ее боевой арсенал оказалась

включена эстетическая хирургия. После разного рода пилингов и подтяжек на нее было страшно смотреть... Но мне к тому времени уже стало совсем безразлично, чем занимается моя мать. Поскольку занималась она, во всех случаях, не мной...

Неожиданно я осознала, что Роберта в комнате нет. Заглянула на кухню: и там пусто. Прислушалась у двери ванной: тихо. Куда-то усвистел. Тем лучше. Он успел надоест мне до чертиков.

Я подошла к окну. Темные скелеты деревьев, с которых ноябрь стряхнул последние клочья плоти, бились костлявыми ветвями на ветру. На крыше дома напротив мерз черный кот. Он сидел неподвижно, безнадежно, не ища укрытия, – будто знал, что укрыться ему негде... Как моей душе.

Внутри поднялась обжигающая волна отчаяния. Надо что-то делать, надо бороться, надо спастись!

Ох. Чушь какая. Я даже рассмеялась. С кем тут бороться? Как тут спастись? Ты попала, дорогуша, «в запиндю», как выразился один из персонажей Чехова. Так что сиди и не дергайся, иначе лапа в капкане останется...

Я вдруг почувствовала голод. Хотелось есть, хотелось чаю. Или кофе.

Включив свет, я открыла шкафчики на кухне, холодильник. В шкафчиках обнаружился растворимый кофе, сахар и баранки. В холодильнике, кроме заплесневелой сметаны и высохшего куска сыра, не наблюдалось ничего, однако в морозилке нашлась упаковка пельменей.

Все это я не любила. Мне бы сейчас хороший кусок мяса со свежими овощами, бокал красного вина, затем эспрессо... Можно даже с пирожным... Но куда за этим идти? Я не знаю города, к тому же деньги мои теперь у похитителя. Я еще должна радоваться, что не убийцы. Жизнь мне дарована, да, но в обмен на исчезновение...

Исчезнуть. Как? Куда? У меня по-прежнему не было ни проблеска идеи. Без паспорта на работу не возьмут, – что, мне бомжевать теперь?!

Я приготовила себе еду – то ли поздний обед, то ли ранний ужин. Пельмени, чашка дурного кофе с ложкой сахара. Было невкусно – я почти все выбросила в туалет, – но что-то я проглотила, и чувство голода, по крайней мере, отступило. Включив телевизор, я некоторое время щелкала пультом, но не смогла сосредоточиться ни на одной передаче. Моя собственная история оказалась покруче любого вымысла.

Я все пыталась проникнуть в тайну: кому понадобилась моя жизнь? Чем и кому я помешала? Может, мой единокровный брат – сын папы от первого брака – решил меня устранить, чтобы получить все наследство единолично? Точнее, не единолично, поскольку есть еще папина жена, то есть моя мама, и она законная наследница, если что... К тому же у папы крепкое здоровье, умирать он не намеревается, и как-то странно представить, что именно сейчас мой братец озаботился вопросами получения наследства...

В детективах говорят: ищите, кому смерть данного человека выгодна. Но я, перебирая всех своих родственников, друзей и знакомых, не находила ни одного заинтересованного в моей смерти лица.

Мечь? Но за что? Я такая никчемная и неинтересная, что даже парня ни у кого не увела. Никому подножек не ставила, ни карьеру, ни жизнь ближнему не ломала. Да и то, бороться за место под солнцем мне не пришлось, пихаться локтями нужды не было: папа всё устроил. Ревность? Она тем более исключается. Откуда взяться ревности, если у меня нет любви и мужчины нет...

Ночь уже хозяйничала в городе. Я сидела у окна, не зажигая света, и смотрела на дорогу. Но Роберт все не появлялся. Промелькнула мысль: а не бросил ли он меня тут одну?

Нет, ответила я себе. Пока у нас нет убедительного плана, каким образом можно оставить меня в живых, при этом создав полную иллюзию моего исчезновения с лица земли, – никуда он не денется. С него спросят «работодатели», строго спросят. Как он сказал? Если хоть где-то мелькнет «шерстинка с моего хвоста»... то несдобровать не только мне, но и ему.

Неожиданно в двери повернулся ключ. В прихожую ступил какой-то мужчина. Я замерла, вглядываясь. Хозяин вернулся?

Щегольски одет – кожаная куртка на меху, дорогой шарф, – побрит, причесан, запах хорошего парфюма... Батюшки, да это же...

Роберт? Неужели он?

Роберт вошел в комнату, щелкнул выключателем.

– Ты чего в темноте сидишь?

Я поморгала: свет ослепил меня на секунду.

О, он даже маникюр сделал! Я заметила, потому что Роберт обхватывал руками несколько пакетов, и ногти, аккуратно подстриженные, чистые, подпиленные, – оказались на виду.

– Что, получил гонорар за работу? – ехидно проговорила я. – Заказчики поверили, что ты меня убил и закопал?

– Помоги мне! – произнес он вместо ответа, направляясь на кухню.

Он бухнул все пакеты разом на стол, и мы принялись их разбирать. Свежий хлеб, овощи, нарезки колбасы, сыра, копченой рыбы. Кроме того, одноразовые тарелки-вилки-ножи-стаканы. Красное грузинское вино. И даже бумажная скатерть с салфетками!

– Трогательная забота, – произнесла я. – Не ожидала. Приятно удивлена твоей щедростью.

– Блин, вот же дура. «Приятно удивлена» она! Я ведь тебя предупредил: всё на твои деньги! Да, я получил вторую часть гонорара, но я не могу его тратить, мне эти бабки позарез нужны!

Ах да. Ах, извините. Вы так любезны. Вы так неплохо живете за мой счет. Тьфу.

Роберт сделал вид, что не заметил гримасу презрения, скользнувшую по моему лицу, которую я и не думала скрывать. Я довольно непосредственна и никогда

не считала это недостатком. Возможно, жизнь моя складывалась слишком благополучно? И мне не приходилось бояться, что, к примеру, начальник уволит меня за откровенное выражение недовольства? Потому что мой отец возглавлял нашу никчемную контору?

Наверное. Да теперь какая разница... Теперь ни конторы не будет в моей жизни, ни папы...

Удивительное дело, – даже стыдно признаться самой себе, – я не испытывала особой горечи при мысли, что больше не увижу семью. Да и по друзьям я не слишком убивалась. Старые дружбы развалились, когда отец получил пост, – все славные и бескорыстные друзья-подружки превратились вдруг в просителей. Застенчивых или беззастенчивых, линия поведения мало что меняла. Да, конечно, беспардонность неприятна, деликатность милее, – но по большому счету для всех них я перестала быть подругой. Перестала быть вообще личностью. Я превратилась в один большой сосок на дойном вымени, к которому все норовили приложиться. Кто пихаясь, кто пуская жалобную слезу.

Один-единственный человек не участвовал в дойке: Вера, давняя моя подруга, со школьных лет. Она поступила ровно наоборот: она почти исчезла с моего горизонта. Чтобы не мозолить глаза, наверное, среди тянущих просящую руку... А я за суетой не то чтоб не заметила, но не придавала значения. Не поняла.

Зато именно сейчас – при мысли, что я больше никогда Веру не увижу, – мне стало особенно грустно. Только поздно. Я против воли перелетела на другую линию жизни – ту, где всё начинается сначала. Ту, где лица, люди из моего прошлого должны раствориться в сумраке времен...

Роберт решил не усугублять наметившийся конфликт.

– Я страшно голоден! – весело произнес он. – Можешь заняться овощами? Помыть-порезать? А я пока накрою на стол.

Он ушел в комнату, а я осталась на кухне и принялась мыть помидоры, перцы, огурцы. Затем их нарезала, разложила на две пластиковые тарелки (на одной не поместилось) и понесла в комнату. А войдя, поразились: красная бумажная скатерть придавала не только столу, но и всей убогой комнате праздничный вид.

На тарелочках, пусть и пластиковых, лежали разнообразные нарезки, а в картонных стаканчиках уже темнело вино. И главное, посреди столика возвышался белый конусообразный столбик зажженной свечи, воткнутый в тяжелый подсвечник из синего стекла в виде звезды.

– Мы что-то празднуем? – хмуро спросила я, пристраивая овощи к остальной снеди.

– О да! Давай-ка чокнемся.

– Ага, а звон хрусталя я могу сама озвучить: дзинь-динь-динь...

– У тебя отлично получилось, – не смутился Роберт. – За успех нашего плана!

– А у нас есть план?

– У меня есть. Сейчас будет и у тебя. Пей, зануда.

Я выпила и принялась есть. Учítывая, что моя недавняя трапеза досталась по большей части канализации, я ощутила прилив голода и уминала деликатесы с большим аппетитом, который не испортили даже странные и безрадостные события, произошедшие за последние сутки моей жизни.

Роберт подлил вина в стаканчики.

– Ну что, готова к приему информации? Учítывая, что прием пищи уже состоялся?

– Он еще не состоялся, он в процессе, – пробормотала я, жуя. – Передай мне хлеб, пожалуйста.

– Ладно, скажешь, когда будешь готова слушать, – не без недовольства ответил Роберт.

Видимо, он свою идею находил такой потрясающей, что ему не терпелось поделиться со мной. А может, и похвалу услышать.

- Да рассказывай же. Я могу кушать и слушать одновременно.

- Надо говорить «есть». Меня жена всегда поправляла.

- Флаг тебе в руки, вместе с женой. А мне нравится слово «кушать». Так что там у тебя?

- Боюсь, поперхнешься.

Он наверняка имел в виду, что от восторга.

- Что, идея несъедобная? - вредно хмыкнула я, сделав глоток вина.

- Теперь я понимаю, почему ты живешь одна. Такой характер, кто же выдержит!

- А у тебя, по всей видимости, любящая жена и ожерелье из детишек. Оттого-то ты так вонял еще сегодня утром.

Я ничего не успела понять, как вдруг он привстал со своего места, потянулся ко мне и шлепнул меня тыльной стороной кисти по губам. Довольно чувствительно шлепнул, нижняя губа треснула.

- Поганый у тебя рот, - прошипел он, садясь.

- Именно так поступают настоящие мужчины, - произнесла я, промокая губу салфеткой и рассматривая след от крови. - Вот поэтому, наверное, в тюрьмах и сидят.

Он снова замахнулся, глядя на меня с неожиданной ненавистью. Но на этот раз не ударил, а всматривался в мое лицо. То ли пытался понять, что я за сволочь такая, на его больную мозоль наступать, когда он организовал мне тут чуть ли не Новый год; то ли хотел убедиться, что я достаточно испугалась и на этот раз заткнусь.

Я сделала «ясный взгляд» - такой невинно-детский, я умею, - и похлопала ресницами.

– Не бейте меня, дяденька, – произнесла я жалобным голоском, – я исправлюсь!

– А ты изрядная дрянь. – Он опустил на табуретку. – Если бы я сразу понял, может, не стал бы тебя жалеть.

– Вы сказали, сударь, что руки пачкать не желаете. Так что характер мой здесь ни при чем. Все дело в ваших моральных принципах. А принципы не зависят от объекта их приложения. Если, к примеру, придерживаетесь заповеди «не убий», – то ни хорошего человека нельзя, ни последнюю гадину, – серьезно ответила я, а он уставился на меня, пытаюсь понять, ерничаю я или в самом деле пустилась в философию.

Некоторое время в комнате висела неуютная, тягостная тишина.

Сказать по правде, я понимала, что Роберт и сам находится в странном и трудном положении и что он по-настоящему радовался своей идее, когда вернулся, – а я ему весь кайф обломала... По большому счету, мы с ним как глухой со слепым: у каждого своя проблема, своя инвалидность, своя боль. Свел нас случай, и не его вина, что кому-то понадобилось меня убивать...

В общем, я решила, что веду себя неправильно. Нам не ссориться надо, а скооперироваться.

– Подлей мне вина, пожалуйста, – примирительно произнесла я. И, когда мой картонный стаканчик наполнился, подняла его. – Давай, за твою идею. Дзинь-дзинь.

– Ты ее еще не слышала, – хмуро отозвался он, но все-таки со мной чокнулся.

– Так расскажи.

АМНЕЗИЯ. Вот в чем заключалась его идея: я должна притвориться беспамятной! Где была, откуда пришла-приехала, как меня зовут да где прописана – все подробности испарились якобы из моей памяти!

– Ни паспорта нет, ни денег, ни телефона, и даже сумочки нет, – объяснял Роберт, – ничего, что могло бы указать на твою личность, не имеется! Очнулась на краю леса, – а как туда попала, бог весть. Побрела к городу, нашла полицию, обратилась. И придется им куда-то тебя пристроить на ночлег, и накормить – к социальным службам обратятся, наверное, – и документ какой-нибудь выдать, хотя бы простую справку на первых порах. Они будут уверены, что вскоре кто-нибудь из семьи объявит тебя в розыск, и тогда они спихнут тебя с рук, – но выйдет облом, не зря же мы столь дальновидно письмо родителям написали! Я его, кстати, отправил... Тогда полиция растиражирует твой портрет и разошлет по своим каналам, – но кто сможет тебя опознать на этих самых каналах? Ты ведь не преступница, чтобы вешать твое фото на стенде «Их разыскивает полиция»... К тому же твоя внешность претерпела изрядные изменения. Разумеется, ты станешь их головной болью, и они будут надеяться, что память к тебе вот-вот вернется, – но увы, этого не случится. И тогда придется им заняться тобой более основательно: пристроить на работу, дать какое-то жилье... И потихоньку твоя жизнь наладится под новым именем и на новом месте!

Роберт умолк на торжествующей ноте. Он смотрел на меня, как ребенок, прочитавший стишок и ждущий одобрения. Я аж умилилась.

– Ну как? – не выдержал он.

– Очень хорошая идея, – ответила я. – Просто гениальная, честное слово! Но все-таки есть в ней один изъян... Амнезия приключается с человеком либо от физической травмы, либо от душевной, а чаще от обеих сразу. Полиция меня тут же направит к врачам на обследование, и те начнут искать следы этих самых травм... Если не найдут, заподозрят обман.

– Хм. Я об этом не подумал... Я читал, что причины амнезии столь разнообразны и механизмы ее до сих пор не ясны...

– Это так, но в том смысле, что не все же люди теряют память, испытав сильное потрясение. Однако потрясение наличествовать обязано.

Роберт не ответил. Мне показалось, что его разум осенила своим крылом догадка, как выйти из положения, – как и меня, конечно. Решение очевидно: придется ему меня хорошенько избить. А то и изнасиловать... Но он ничего не

сказал. Я тоже. Озвучивать этот единственный выход из положения никому из нас не хотелось – каждому по своим причинам.

Вино в бутылке почти закончилось, Роберт разлил последнее по стаканчикам.

– Ладно, у нас еще есть время, – произнес он. – Я, конечно, надеялся, что завтра уже буду свободен... Я наметил кое-какие дела, надо поскорее жизнь восстанавливать... Но останусь с тобой еще на день. Мы что-нибудь придумаем.

– «Жизнь восстанавливать...» – произнесла я. – Ты и вправду сидел в тюрьме, что ли?

Он кивнул.

Я не стала приставать с вопросами. Но он сам заговорил через некоторое время:

– Мне дали шесть лет за непредумышленное убийство. Но выпустили досрочно за хорошее поведение. – Он улыбнулся краешками губ.

– Непредумышленное?

– Задавил человека... Был в кабаке, за городом, но пил мало... Я играл. Там подпольное казино. Я почти не пью за игрой. В тот день не повезло, проигрался, а уже и так был в долгах, – ну и настроение упало ниже плинтуса. Решил ехать домой. Когда со стоянки выезжал, подал назад... А там один чудила нужду справлял. Я его не заметил, света было мало, да и кому же в голову придет, что за твоей машиной кто-то пристроился... Как собака, чесслово, на мои колеса ссал. Но когда я увидел, что эти самые колеса с ним сделали... Никогда не забуду того кошмара.

Он закусил нижнюю губу, будто хотел приструнить свое лицо, не пустить на него гримасу ужаса и отвращения. Затем вдруг поднялся и направился к вешалке, где висела его новая светло-коричневая куртка. Он снял ее с крючка, а под ней обнаружилась сумка-планшет на ремне, также новая. Я не обратила на нее внимания, когда Роберт вошел, поскольку он держал в руках объемные пакеты. Сунув руку в сумку, Роберт вытащил из нее бутылку коньяка «Хеннесси».

- Давай еще по маленькой?

Эту бутылку он явно купил для другого случая и другого человека, но сейчас, когда принялся откровенничать со мной, решил ее откупорить.

Я кивнула. Я тоже была совсем не против выпить еще. И даже напиться, если получится. Напиться и забыться.

Роберт сходил на кухню и некоторое время возился там. Когда он вернулся, в руке у него были две мокрые водочные стопки – мыл их, видимо.

- Вино еще куда ни шло, но пить приличный коньяк из картонок... – улыбнулся он.

- Да уж, – согласилась я.

Он наполнил стопки и, не чокнувшись, опрокинул свою в рот, будто не коньяк хороший пил, а водяру.

- У меня такое чувство, – заговорил он вновь, – словно я, решив не убивать тебя, искупаю грех... Тюрьма – не искупление, нет. Наказание – да. Но ни совести, ни душе не помогает. А вот доброе дело, оно душу как-то облегчает, что ли...

Он хотел что-то добавить – сделал вдох, но явно не находил слов.

- Я понимаю, Роберт, не напрягайся.

- Кажется, иногда ты бываешь милой... Хотя характерец у тебя тот еще. Я бы с тобой ни дня не прожил. Да ладно, не имеет значения, я и не собираюсь... Давай выпьем. За то, чтобы все хорошо закончилось. У каждого из нас.

- А как вышло, что тебя наняли убить меня? – Я чокнулась с ним, надеясь, что алкоголь уже достаточно расслабил его, и он скажет мне правду.

- В тот день... Это когда было? Позавчера, что ли... Столько всего произошло, я счет времени потерял. Я в тот день только вышел из тюрьмы. Ни денег, ни жилья. Жена развелась со мной, пока я сидел. Не из моральных соображений,

конечно, а потому что удача от меня отвернулась... Я перестал приносить деньги – и сразу стал ей не интересен... Я много заработал в девяностые и в двухтысячные, очень много. И без криминала – ну, без крови в смысле. Криминал-то был тогда на каждом шагу, куда ни плюнь... Но мне руки пачкать не пришлось, и меня никто не тронул. Я умел ловко договариваться и правильно делиться с нужными людьми – бабки текли рекой. Мне удалось сколотить нехилое состояние. Благодаря которому последующие годы развивал бизнес и приумножал доходы. Как все вокруг тогда, я круто гулял, а особенно любил отрываться в казино в одном московском пригороде... Там и ресторан был шикарный, и стриптизерки хорошенькие, и игра горячила кровь. Все тогда играли, это считалось признаком успешности. Я и не заметил, как подсел на покер и рулетку. Да я не дергался: бабок у меня было немерено. Проиграл – подумаешь, завтра выиграю! Вроде какой-то баланс существовал поначалу. Потом пошла черная полоса. И однажды я осознал, что мне больше нечем платить за долги. Я еще пытался отыгаться – надеялся, что удача вернется ко мне. Хотя в тюрьме – там времени для размышлений много... – я понял, что в казино меня намеренно обчищали. Оно уже давно стало подпольным, ведь их в Москве и области запретили, – дела у них тоже шли не шибко хорошо. Кто-то их крышевал, но требовал большой отдачи. А что им стоит подкрутить-подвертеть свои автоматы да нанять в крупье фокусников...

Роберт потянулся за бутылкой и подлил нам коньяку.

– Короче, – продолжил он, – наступил день, когда откупаться стало нечем. Даже тачка моя, навороченная «бээмвэшка», ушла за долги, пришлось на машине жены ездить. А когда я сел, то они и особняк мой на оплату долгов пустили. С бывшей женой как-то сговорились, и всё ушло с молотка, – а я в него несколько миллионов долларов вбухал, между прочим... У меня ничего не осталось. Сам виноват, знаю. Теперь уже и непонятно: как я мог так прочно подсесть на игру? Как на наркоту, честное слово...

– Такое со многими случалось. «Игрока» Достоевского, к примеру, читал?

Роберт покачал головой.

– Так почитай. Там все описано, весь ад зависимости. После этой книги больше никогда не сядешь за игорный стол.

Роберт неопределенно махнул рукой, что могло означать «когда-нибудь почитаю».

Я давно заметила: люди, у которых нет привычки к регулярному чтению, воспринимают совет почитать книгу примерно так, как если бы ты им посоветовал поднять с ходу стокилограммовую штангу.

– Извини, что отвлекла тебя, – поспешила я вернуть разговор в интересующее меня русло. – Ты рассказывал, как вышел из тюрьмы...

– Да. Выйти-то вышел, а куда податься, не знал. У меня раньше была репутация талантливого бизнесмена, все хотели со мной иметь дело, – ну, до того, как я всерьез подсел на игру. И у меня остались друзья, которые могли бы помочь заново войти в бизнес. Но я должен убедить их, что изменился, что мне можно доверять, что больше я в казино ни ногой, что деньги на ветер не спущу...

– Так их теперь совсем нет, все закрыли, даже подпольные. Я в новостях слышала, уже давно.

– Ох, и глупая ты все-таки, Таисия. Неужели ты и впрямь думаешь, что не осталось подпольных игорных домов? Уж как минимум покер организовать где-нибудь на даче для своих – легче легкого! Но правила такие же жесткие, как и раньше. Карточный долг – это приговор. Ни смягчению не подлежит, ни отмене. Именно поэтому для меня важно, чтобы старые дружбаны поверили: я завязал. Ну вот, брел я по бульвару, весь в своих мыслях: раздумывал, как бы мне бабки достать, чтобы для начала хоть прикид сменить. Ведь в таком виде – ты меня видела вчера – соваться к приличным людям никак нельзя. В какой-то момент меня обогнала девушка, – это была ты, но я на тебя внимания не обратил, ни к чему мне в тот момент были девушки. Не прошло и двух минут, как меня обогнали два лба. Сначала они ушли вперед, а потом притормозили, оглянулись и принялись меня рассматривать. Затем спросили, не хочу ли я заработать денег. Я, разумеется, хотел. И мне указали на тебя, предложили проследить за тобой. Дали задаток, а паспорт мой отобрали, чтобы я никуда не делся невзначай. Написали на бумажке номер, по которому звонить, чтобы получить остальные деньги. Но я объяснил, что у меня нет телефона, я ведь только утром из тюрьмы вышел, а мой старый мобильник за это время сдох... И тогда они велели приехать на то же место в одиннадцать вечера.

Вот так я принялся следить за тобой... Припустился тебе вслед и довел тебя до самого дома, только квартиру не смог узнать. Но вычислил ее приблизительно: на третьем этаже вспыхнул свет через несколько минут после того, как ты вошла в подъезд. Думаю, окно было твое...

Роберт снова подлил нам коньяку. Мне показалось, что он чувствует себя немного виноватым передо мной, – теперь, когда я стала не какой-то там безликой девушкой, а конкретной Таисией, с которой его уже кое-что связывает.

У меня возникли вопросы, но я не хотела перебивать Роберта: пусть сначала расскажет всё, а вопросы могут и подождать.

– Я опасался, что мужики меня кинут, – продолжил он. – Но нет, они ждали меня. Позвали в кафе, накормили – что было очень кстати, потому что те первые деньги я не тратил, надеялся кое-какую одежду прикупить, – и водки немножко взяли. Хотя явно не их ранга это кафе, но они шифровались, понятно. Я и сам так делал не раз, когда важные переговоры нужно было провести, при этом секретные. Шли в забегаловку попроще, где нас никто не мог узнать... За едой они спросили, за что я сидел. Я сказал: за убийство. И тут они мне с ходу, даже не дослушав, предложили девушку – тебя то есть – убрать. За о-о-очень приличную сумму. Я даже удивился. То ли расценки на мокруху в Москве выросли, то ли им крайне важно было от тебя избавиться, уж не знаю. Условие было одно: чтобы никто никогда твой труп не нашел. И я согласился. Но сразу решил, что убивать тебя не стану. Мы обговорили детали, они дали мне новый телефон с приличным фотоаппаратом, велели снимки присылать. Ну, это ты уже знаешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/tatyana-garmash-roffe/nauka-strasti-nezhnoy>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)